

СОХРАНИТЬ СЕМЬЮ ИЛИ УМЕРЕТЬ

A black and white photograph of a woman's profile, facing left. Her hair is dark and voluminous. Inside her head, a dense forest of evergreen trees is visible, creating a surreal effect where the woman's mind is represented as a natural landscape. The background is a soft, out-of-focus grey.

СОВА ПЛАВАЕТ БАТТЕРФЛЯЕМ

МАРИЯ ТОВИЧ

Мария Тович
Сова плавает баттерфляем
Серия «Я не могу уйти.
Психологический триллер М. Тович»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57857476
ISBN 978-5-04-116667-0

Аннотация

В обычной жизни сержанта Кукушкина начали происходить странные вещи. В дежурную поступил звонок, предвидевший происшествие. А школьная подруга и первая любовь – Мира вдруг появилась на пороге дома с просьбой помочь тайно сбежать от мужа.

Кто бы мог подумать, что через шесть дней Миры не станет?

А время и место ее гибели назовет неизвестная женщина, позвонившая в дежурную Павлу за несколько дней до трагедии.

Молодому сержанту необходимо найти звонившую, чтобы разобраться в тайнах, которые унесла с собой Мира, прыгнув с моста. Что заставило ее лишиться себя и ребенка жизни? Был ли у нее выбор?

Павлу необходимы ответы на эти вопросы как полицейскому, как влюбленному человеку.

«Я не могу уйти» – самая частая реплика жертв жестокого обращения или насилия.

Дебютная книга Марии Тович – это роман-надежда на лучшее будущее для женщин, положение которых кажется безвыходным. Это история, в которой актуальные проблемы умело и играючи вплетены в детективный сюжет. Книга, в которой приходится принимать судьбоносные решения, обманывать ради новой жизни. Есть ли тут место осуждению? Прочтите и ответьте: вы бы смогли уйти?

Содержание

Часть 1	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	23
Глава четвертая	33
Глава пятая	40
Глава шестая	55
Глава седьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Мария Тович

Сова плавает баттерфляем

Часть 1

Паша

Как можно не верить человеку? Даже если и видишь – врёт он, верь ему, то есть слушай и старайся понять, почему он врёт?
Максим Горький

Глава первая

16 марта 2019 года. Суббота

– Здравствуйте. Вы позвонили в полицию. Все разговоры записываются, – ответил механический женский голос.

– Добрый день. Я...

– Помощник дежурного сержант полиции Милославская. Слушаю. Что у вас произошло? – отчеканила уже другая девушка.

– Я не знаю, как сказать, – женщина говорила с южным акцентом, с трудом подбирая слова.

– Ртом, – недовольно отозвалась дежурная.

– Я не могу выйти из квартиры.

– У вас сломался замок? Дверь заклинило? Мы двери не вскрываем. Вам в другую службу.

– Нет. Он меня закрывает.

– Кто? – не скрывая раздражения, рявкнула сержант.

– Муж... Мой муж.

– Вас насильно удерживают?

– Да, то есть нет. Это же наш дом.

– Значит, вы сами не знаете, а просите полицию разобраться, да? Какой у вас адрес?

– Улица Мер... Ой, такое сложное название, язык сломаешь. Меринск...

– Послушайте, как вы собираетесь полицию вызывать, если своего адреса сказать не можете?!

В трубке послышалось шуршание.

– Муж пришёл, – прошептала женщина.

– Выходит, дверь открыта? Значит, в помощи полиции не нуждаетесь? – уточнила дежурная.

– Я больше... – дрожащий голос сменили гудки.

Сержант положила трубку и окинула дежурку усталым взглядом. На вид ей было около двадцати семи. Миловидная блондинка с идеальной осанкой балерины. Темно-синяя форма несколько не портила её точеную фигуру. Она казалась ангелом, пока не открывала рот. Голос у Эльвиры Милославской был до того низкий и грубый, что разговаривающий с ней по телефону мог представить, что беседует с со-

держательницей какого-нибудь дешёвого притона, а не с таким небесным созданием.

– Достали уже со своими мужьями, – закатила глаза Эля. – Никто их замуж не тянул. Выскакивают, за кого попало, будто в последний вагон залетают, а потом обнаруживают, что он товарный. И начинается: то заберите пьяного, то верните милого-родного обратно.

– А этой что надо было? – за соседним столом сидел другой дежурный – молодой парень с выцветшими ресницами. – Пьяная?

– Нет. Да один фиг – не разберёшь, что она хотела, Паша, – отмахнулась Милославская.

Снова зазвенел телефон. Эля машинально подняла трубку.

Паша смотрел на неё с восхищением. Она отвечала на звонки уверенно, никогда не мямлила в отличие от него. Вернее, сам Паша думал, что просто вежливо отвечает на вопросы граждан, но остальные дежурные часто смеялись над его манерой общаться с заявителями.

– Это не богадельня, не служба психологической поддержки. Тут всё должно быть оперативно и чётко. Адрес, кто, где, кого. Всё! И не надо слюни по тарелке размазывать, – размахивал руками капитан Мишин. Он служил оперативным дежурным уже пятнадцать лет и половину этого срока порывался «бросить всё и уйти на пенсию». Поначалу его отговаривали, а потом привыкли к периодическим вспышкам

хандры у Васильича.

– А ты читал, что эти диванные герои пишут в интернете? – не унимался Мишин. – Асфальт на дороге провалился – полиция виновата. Флаг на флагштоке криво висит – полицейские бездельники не могут поправить. Я не знаю... Проститутка ненадлежащим образом обслужила – так это полицейские жируют, а шалав подлых не ловят. Но чуть что стрясется у них самих – звонят нам. Так что хватит с ними церемониться. Только линию занимаешь без толку.

– Да ладно, Васильич, отстань от него. Ему самому скоро надоест эти задушевные разговоры вести, – отзывалась Эля. – Парень же работает ещё всего ничего.

Паша никому не говорил, что изначально хотел служить в экономической полиции. Но вакантных мест в том отделе не было, и ему предложили попробовать себя в дежурной части. Многие называли дежурку «сладким местом»: сиди в кабинете да по телефону трещи. В тепле, не на улице, как приходится, например, постовым. Вшивых бомжей обыскивать не надо, буйно-помешанных успокаивать и таскать упившихся до беспамятства алкоголиков – тоже.

Хотя сам Паша не был в восторге от своей работы. Он-то мечтал ловить взяточников и коррупционеров. А вместо этого лишь слушал о бесконечных людских несчастьях и происшествиях.

Сегодня он был особенно рассеян. Даже растерян. События вчерашнего дня никак не шли у него из головы, в кото-

рой вертелось одно имя – Мира. И каждый раз, поднимая трубку, он боялся, чтобы оно ненароком не вырвалось вместо уставного приветствия.

Как чувствует себя человек, у которого самым удивительным образом сбылась мечта? Давняя, застарелая, уже успевшая покрыться коркой безнадёги и отрешения. Паша к вчерашней встрече со своей мечтой готов не был, случившееся застало его врасплох. И теперь чувство радости смешивалось с тоской по упущенным моментам, ощущением собственной ничтожности и при этом неожиданного везения.

Глава вторая

Днём ранее

15 марта 2019 года. Пятница

У Паши был выходной перед сменой, и он планировал провести его в праздном ничегонеделании, удобно устроившись на диване с пачкой чипсов и планшетом.

В комнате было душно. Батареи работали, как будто за окном трещали сибирские морозы, а на самом деле градусник показывал чуть ниже нуля. Из крана на кухне капала вода. Щёлк... Щёлк... Капли одна за другой звонко ударялись о тарелку с прилипшими остатками гречки.

Следовало бы встать и открыть окно, прикрутить потуже кран, но Паша лишь высунул из-под пледа пятки и переключил новый ролик на Ютубе. На экране популярный видеоблогер вальяжно расселся в кресле, открыл рот, чтобы выдать очередную шутку, но Паше не удалось ничего услышать, его оглушил пронзительный звук дверного звонка. Паша чуть не подпрыгнул на месте. Он ведь предлагал Кате купить мелодичный звонок, с весёлой песенкой, а она выбрала этот – мерзкий и громкий, зато, как она сказала, практичный и «на века». Веками слушать эту сирену Паша не был готов и, если быть честным с самим собой, жить с Каткой – тоже. Слишком быстро она с ним съехалась, слишком настойчиво обсуждала их будущую свадьбу, слишком много говори-

ла «мы» вместо «я». И всё чаще Паша чувствовал себя гостем в своей жизни, голым королем, от мнения которого по сути ничего не зависело. Ему было всего двадцать пять, но ощущал он себя пенсионером, которому больше нечего было ждать от жизни и оставалось радоваться разве что тёплым носкам и горячему борщу на плите.

Паше не хотелось выползать из своего уютного флисового кокона, он вжал голову в плечи, сморщился и ждал, пока звонящий уйдёт. Вроде никого не приглашал, а вставать ради «Извините, я, наверное, не туда попал» желания не было.

Механический визг снова оглушил его. За дверью упорно жали на кнопку. Да кто ж там такой настойчивый?

Паша нехотя встал, подошёл к глазку, и его рука застыла на замке.

Мгновение он даже думал, может быть, не открывать дверь? Дернулся на кухню, но мыть посуду было уже поздно и глупо. Набрал в лёгкие побольше воздуха, резко выдохнул и повернул защёлку.

– Привет! – она закрыла за собой дверь и вопросительно посмотрела на Пашу. Волосы выбились из-под шапки, дышит, будто убегала от маньяка.

– Привет! – только и смог повторить он.

– Я зайду?

Она села на банкетку, стала стягивать сапоги-чулки. Медленно сняла пальто, бросила его на пуф. Мокрый снег с капюшона упал на линолеум, растёкся серыми лужицами. Па-

ша устоялся на них и не решался поднять глаза. И заставить себя перевесить её пальто – тоже не мог. Позволил себе взглянуть на неё только тогда, когда она повернулась к зеркалу. Светло-каштановые волны спадали на плечи, влажные пряди прилипли ко лбу и щекам.

Её волосы никогда не давали ему покоя. Кого-то из парней волновали глубокие декольте и длинные ноги, а Паша с ума сходил по её волосам. В его голове умещался целый музей с сотнями её затылков. С высоким хвостом, струящимся шелковистым водопадом, закрученные локонами и распущенные, поднятые в пучок и небрежно заколотые карандашом. Паша сидел за ней в школе и помнил все её причёски. Иногда он нарочно наклонялся вперед, делая вид, что уронил ручку или роется в пенале, только чтобы как бы нечаянно коснуться их.

Если бы у неё не было имени, он бы так и звал её – Мечта. Но у неё было имя. Мира. В школе учителя и ребята вечно путали, как правильно пишется её имя – с одной или двумя «р». Она никогда не обижалась, просто сразу представлялась: «Мира, с одной «р».

У неё было много поклонников. Красивая, умная, не заносчивая. Естественная и улыбчивая. Как не возвести такую на пьедестал? Паша был рядом сначала в школе, потом в университете. Они поступили на один факультет. Паша тихо радовался, что мог, как и прежде, наблюдать за ней. Пусть издали, любуясь, словно диковинной птицей. Но после вы-

пуска она всё-таки на какое-то время исчезла из его жизни.

А ведь в начальной школе они даже дружили. В детстве общаться легче – можно по-дружески обсуждать фильмы, делать вместе домашку, гулять во дворе. А потом всё меняется: сначала у девчонок, потом и парни начинают им подыгрывать. Любая встреча – уже свидание, любой парень – потенциальный ухажер. Паша считал, что не годится на роль её кавалера. Нашёл, как ему казалось, правильную позицию – быть рядом, но чуть-чуть в стороне. На безопасном расстоянии, чтобы Мира не смогла рассмотреть, какое место она занимает в его сердце.

Если бы ей не понравилось имя Мечта, он бы назвал её – Волна. Сильная, красивая, прозрачная (в мыслях и действиях) – проще говоря, одно из чудес природы, на которое можно смотреть вечно. И покорить эту волну почему-то всегда пытались либо самоуверенные болваны, либо просто безмозглые тупицы, которые мнили себя профессиональными сёрфингистами. А Паша относился к числу спокойных байдарочников, к которому тянулись такие же тихие речки. Одним словом, он был твёрдо уверен, что не может быть интересен ей. По крайней мере, такая установка помогала ему не сойти с ума от нелепых фантазий...

Паша не видел Миру с января, со встречи выпускников в родной школе. Их выпуску стукнуло семь лет. Паша не был любителем подобных сборищ и не хотел идти, но Соколов уговорил. Тем более там можно было увидеть Миру. Она

пришла на встречу, но была какая-то неразговорчивая, только слушала других и вежливо улыбалась. Паше не удалось перекинуться с ней даже словом. С того вечера прошло около двух месяцев. Он и представить не мог, что увидит её так скоро.

– Как дела? – спросила Мира, будто они только вчера сидели вместе на статистике.

– Нормально. Сегодня вот выходной.

Она бросила быстрый взгляд на скомканный плед, валявшийся на диване.

– Извини, я тебя, наверное, разбудила?

– Нет, ты что?! Много спать – вредно.

Спросить прямо, что его Мечта забыла у него дома, Паша не решался.

Мира улыбнулась, будто он сказал что-то смешное, качнула головой:

– Я у тебя пока побуду. Можно?

Странно было слышать кроткое «можно?» из её уст. Он снова вспомнил, как она ещё девчонкой забежала к ним в коридор с криком: «Привет, тетя Саша! Можно зайти?» Его мама грела чайник, поила чаем с печеньем. Это было так естественно, никакой неловкости. Сейчас всё изменилось.

– Да, конечно.

– Может, я не вовремя? Ты один?

– Нет, кот вот со мной, – Паша снял с холодильника Трюфеля. Он считал перса бесполезным пушистым пылесборни-

ком. Катя притащила его сразу же после того, как объявила, что они будут жить вместе. А кот – это их тренировочный ребёнок. Надо же начинать привыкать к семейной жизни, а у них непременно будет не меньше троих детей. Так она сказала. От мысли, что у них всех, как у их «тренировочного ребёнка», будет клоками лезть шерсть, они периодически будут гадить на ковер и метить территорию, на Пашу накатывало отчаяние.

Мира потянулась погладить усатого. Но кот стал вырываться из Пашиных рук, царапался и орал. Трюфель уродился диковатым, будто был вовсе и не благородных кровей. Катку ещё признавал, она же главная кормилица, а к Паше вообще относился индифферентно. Лишь бы не трогал.

– Кажется, это кошачий бунт, – рассмеялась Мира.

– Кажется, это кошачий мат.

Её голос снова рассыпался колокольчиком. Паше показалось, что в окна ворвался свежий ветер и дышать стало легче. Он наконец пришёл в себя и вспомнил чьи-то слова: «В любой неловкой ситуации выручит знание правил поведения и этикет».

– Располагайся. Чаю хочешь? – предложил он.

– Нет, спасибо.

– Может, кофе? Или есть... хочешь? Там котлеты, гречка...

Паша осекся. Какая гречка? Почувствовал, что молотит ерунду, потому что и молчать неудобно, и говорить не знает

о чём.

– Нет, спасибо. Я не хочу есть. Можно я присяду?
Опять это «можно»!

Мира осторожно опустилась на край дивана, придерживаясь рукой за стену. Приложила дрожащие пальцы к губам. Прикрыла глаза и наклонила вниз голову.

– Тебе нехорошо?

– Нормально. Сейчас пройдёт.

– Бледная какая... может, врачей вызвать? Хочешь, я отвезу тебя в больницу?

Он подумал о своей старой «девятке». Придётся посадить Миру сзади, Катькин кот заблевал всё переднее сиденье, когда они возили его на дачу к родителям. Ну как он повезёт её на гнилой развалюхе?! Лучше такси вызвать.

– Не волнуйся, ничего не нужно, – отмахнулась Мира. – Просто голова закружилась. Где у тебя можно умыться?

– Там, – Паша вскочил и протянул ей руку.

– Не надо, – она решительно отодвинула его ладонь.

Из ванной послышался шум воды. Паша снова сел, положив руки на колени, как прилежный ученик. Он хотел придумать тему для разговора, как-то развлечь Миру, но, как назло, ему ничего не приходило в голову. Собственная растерянность раздражала его. Паша не понимал, зачем Мира решила его навестить, и от этого волновался ещё больше. Он тупо уставился на цветастые занавески с бабочками. Очередное Катькино приобретение. Она могла говорить о них бес-

конечно. «Какой на них узор, будто выполнен акварельными красками. А этот шикарный многослойный ламбрекен! Хорош, правда же?» Вспомнить бы, где он находится – сверху, или сбоку, или сзади. Ну не говорить же с Мирой про дурацкие шторы! Тем более Паше на них было абсолютно наплевать: пусть хоть тряпка половая окно прикрывает, главное, чтоб по утрам солнце не било в глаза.

– У тебя есть что-нибудь полегче надеть? Футболка или майка? Не могу больше в этом свитере. Очень тёплый, сейчас сварюсь. И здесь так жарко, что уже в обморок падаю, – Мира появилась в комнате с очаровательной улыбкой. Её лоб блестел от воды, щеки порозовели.

– Батарей ещё в зимнем режиме пашут...

Паша не успел договорить, как она уже стянула за ворот свой шерстяной свитер и осталась в одном лифчике и чёрных обтягивающих джинсах.

– Да. Есть, – он бросился к шкафу и достал первую попавшуюся вещь.

Не глядя, протянул ей, мысленно молясь, лишь бы футболка оказалась чистой.

Мира утонула в его растянутой «Элвис жив» и негромко сказала:

– Извини, что я вот так внезапно вломилась. Я сейчас всё объясню.

Её голос был всё таким, каким он его помнил. Тёплый, убаюкивающий. Когда Паша слышал, как Мира отвечала на

экзаменах или просто разговаривала с подругами, он просто плыл – ему становилось хорошо, будто завтра выходной, вне зависимости от дня недели, будто за окном вместо мутного дождя искрится рождественский снег, будто Элвис был жив...

Паша размял шею, он никак не мог сбросить с себя ощущение. Постарался изобразить внимание, но никак не мог отделаться от мысли, что выглядит, как робот. Как ржавый робот.

Мира подсела так близко, что если бы он ещё немного повернул голову, то задел бы носом её волосы.

– Не знаю, с чего начать. Не смотри на меня так... В общем... мне нужно... – Мира говорила с остановками, с трудом подбирая слова. – Я хочу развестись с мужем. Но мне очень трудно это сделать, понимаешь?

Паша кивнул, нахмурил брови, будто на самом деле разбирался в бракоразводных процессах и семейных драмах.

– Помоги мне, пожалуйста. Ты ведь в полиции служишь?
– Да, в дежурке. Принимаю сообщения о преступлениях. Что у вас произошло? Если хочешь, я помогу тебе написать заявление. Твой муж... он что-то сделал? Противозаконное?

– Он пока ничего такого не сделал, но боюсь, что может.
– Он тебе угрожал?
– Нет. Просто... мне кажется...
– Если он тебя тронул...

Паша не мог представить такой картины. Как можно уда-

рить Миру? Даже фраза в голове прозвучала как-то искусственно, как в дешёвой американской мелодраме.

Она не смотрела на Пашу. Теребила край футболки. Кисти её рук были маленькие, совсем детские, пальцы с облупившимся на ногтях лаком нервно подрагивали.

– Мне трудно будет тебе помочь, если ты не расскажешь, что именно произошло.

Повисла пауза. Воздух вибрировал от жары и её молчания.

– Я не знаю, не знаю! – не выдержала Мира и закрыла руками лицо. – Мне нужно быть уверенной, что на тебя можно положиться.

Паша всегда цепенел от женских слёз. Но Мира – это отдельная тема. Несколько раз он видел, как она плачет. Это было невыносимо. Внутри его нарастала неконтролируемая ярость к её обидчику, вперемешку с болью и беспомощностью.

Паша попытался приобнять девушку. Но его руки были деревянные, как лапы Грута¹.

Мира резко повернулась и прошептала:

– Ты ведь не откажешься?

Такой Паша её никогда не видел. Глаза, как у испуганной кошки, круглые и тёмные, блестят от навернувшихся слёз. Напряглась в ожидании ответа, схватила рукой Пашу за ло-

¹ **Грут** (Groot) – персонаж из комиксов компании Marvel Comics, внеземной деревоподобный гуманоид, обладающий высоким уровнем интеллекта.

коть.

– Мне нужно перевезти вещи. Мой муж знает всех моих знакомых, я не могу к ним обратиться, а тебя он только на школьных фотографиях видел и вряд ли вспомнит.

Паша почувствовал укол ревности и обиды, но тут же признался себе, что действительно уже давно не был ей другом. Детство кончилось, а во взрослой жизни они ходили разными, не пересекающимися маршрутами.

Мира моментально уловила его разочарование и положила вторую руку ему на плечо.

– Паша, я думаю, что не ошиблась с выбором, – она потянулась к нему влажными от слёз губами. – Ты согласен?

– Да... конечно. Мне это не сложно.

Блеск на её губах почти стёрся, но Паша ощутил тонкий аромат персика и поцеловал её в ответ.

Разве можно отказаться от заветной мечты? Когда она ловко стянула с него толстовку, он вспомнил о Кате. Но этот образ показался до того размытым и нечётким, что он с легкостью отмахнулся от него. Сейчас это Пашу совсем не волновало. Где-то на задворках сознания кружили вопросы, как голодные чайки. Как? Почему? Неужели? Как это вообще возможно? Но Паша не подпускал их ближе, он хотел остаться наедине со своей Мечтой.

Из коридора за ними наблюдал кот. Его заспанная туповатая рожа всегда бесила Пашу. Трюфель. Разве можно было назвать кота, словно это гриб?! Видавший виды диван издал

протяжный звук и вернул Пашу в реальность. Кот округлил глаза, будто очнулся ото сна, но потом расслабленно шмякнулся на пол и, вытянувшись, стал лизать лапу.

«Чайки» наконец докричались.

– Мира, я немного не понимаю...

– Всё хорошо. Не нужно понимать. Тебе ничего не нужно понимать.

Она часто дышала и говорила отрывисто, односложно. Как будто боялась проболтаться, сказать лишнее.

Мира обвила руками его шею и снова поцеловала.

Хватит бояться! К черту всё! К черту Катьку с её засранцем-котом! – Паша швырнул футболку с Элвисом в Трюфеля. Тот вскочил и унёсся, задрав хвост.

– Что ты делаешь? Иди сюда.

– Да... Катькин кот...

Мира резко отстранилась от него. Её тонкие пальцы впились ему в ключицу.

– А кто такая Катя?

– Ну... Мы... С ней... Как бы живём вместе.

– Это твоя девушка? – Мира, как ассистентка иллюзиониста, неуловимым движением выскользнула из Пашиных рук. В её голосе не было ни раздражения, ни разочарования. Скорее удивление и... даже облегчение.

– Да.

Паше захотелось оторвать хвост чёртовой животине. Дёрнуло же брякнуть о коте.

– Знаешь, извини. Мне, наверное, уже пора, – Мира встала, быстро юркнула в свой свитер, поправила волосы.

В её глазах сквозила мягкая снисходительность. Так смотрят на ребёнка, который схватил неподъёмный пакет и расплакался от того, что не смог его поднять. Паша, конечно, не плакал, но выглядел жалко. Мира наклонилась и нежно погладила его по щеке.

– Я надеюсь на твою помощь. Я позвоню. Но сейчас мне и вправду нужно идти, чтобы Стас ничего не заподозрил. Я очень рада, что сегодня пришла к тебе. Я скучала.

В самом дивном сне ему не могло такого присниться. «Скучала?»

– Ну всё... Хватит смотреть так, будто видишь меня в первый и последний раз. Мы ещё встретимся. – Она потянула Пашу за руку в коридор: – Идём, проводишь меня.

Голос Миры снова был спокойным и улыбочивым... как когда-то. И ничего не существовало больше. А Паша... чувствовал себя так, будто выиграл в лотерею и тут же потерял счастливый билет.

Иногда жизнь – великий волшебник, а иногда – изощрённый садист. И никогда не угадаешь, какую роль в твоём случае она выберет.

Кто бы мог подумать, что через шесть дней Миры не станет?

Глава третья

16 марта 2019 года. Суббота

Паша сидел за рабочим столом и раз за разом прокручивал то, что произошло с ним вчера. Как Мира поспешно собралась, пообещав позвонить, как вдавила его в косяк, прощаясь, как он был нарочно груб с Катькой, они поссорились и, схватив кота, Катька поехала к родителям. Всю ночь он не спал. Взбудораженное сознание никак не желало успокоиться, да и Паше самому не хотелось отпускать образ Миры, он перебирал в памяти все детали её визита. Вот и сейчас она всё ещё стояла перед глазами. На его лице застыло блаженное выражение.

– Ты какой-то сегодня помятый. – Эля, грея руки о чашку с чаем, прошла к своему месту и грациозно опустилась на стул.

– Развлекался всю ночь? – старший дежурный поднял на Пашу усталые глаза. День только начался, а капитан Мишин уже был без сил. Он тяжело вздыхал, нехотя листал журнал и дышал так, будто только что пробежал марафон. Усталость была его постоянным спутником, как у кого-то веснушки или непроходящий сухой кашель. И вроде бы избавиться можно, но уже привык.

Паша чувствовал, что его глаза горят, как фары дальнего света. И вообще если бы к нему кто-то прикоснулся, то Паша

прошил бы того бодрящим электрическим ударом. Капитану бы это не помешало.

– Просто долго не мог уснуть, – отмахнулся Паша.

– Весна, – протянула Эля.

– Цветочки распускаются, птички прилетают, зайчики выбегают из норок, – крикнул капитан.

Зайчиком напарники прозвали Пашу. Одна бабуля была очень благодарна парням с патруля, позвонила в дежурку, чтобы сказать «спасибо» за исправную работу и попросить начальство выдать «мальчикам» премии. Заодно она раз пятнадцать назвала Пашу «зайчиком». Вот и прицепилось.

Сутки, к счастью, начались спокойно. Пара скандалов, драка, пьяный в подъезде. Пашу всегда удивляло, как все эти люди успевали надраться до полудня. Потом несколько звонков от не совсем трезвой жены, которая требовала вернуть своего «оступившегося» благоверного и сообщить ему, что их семью ждёт пополнение.

Разговоры с «пропитухами» Паше давались труднее всего. Вот Эля всегда могла им жестко, но ясно объяснить ситуацию. Может, потому, что женщина куда лучше может понять другую женщину. Говорят же, что мозги у мужчин и женщин устроены по-разному, что они как с разных планет. Мысли снова унесли Пашу к Мире. В такую действительность, где нет ни грязи, ни вони, ни пьяных рыганий и криков. В такую жизнь, где Мира, наверное, блистала как звезда, освещающая всё

вокруг.

Резкая трель звонка бесцеремонно разрушила Пашины миражи и вернула его обратно в реальность. Рука автоматически взяла трубку.

– Помощник дежурного сержант Кукушкин слушает. Здравствуйте. Что у вас случилось? – в миллионный раз от-
тарабанив скороговорку, Паша услышал в трубке грудное
«да-с».

Потом последовало глубокомысленное молчание. Звонившая могла больше ничего не говорить, Паша понял, какой разговор ему предстоит. Он терпеливо вздохнул: хорошо, что телефон не передаёт запахи. Амбре там, скорее всего, бомбическое, сногсшибающее.

– Алё. Полиция? – икнула неизвестная особа.

– Да. Вы позвонили в полицию. Что у вас случилось?

– Труп мы нашли.

Только этого не хватало.

– Где нашли?

– Мы ехали за городом, у озера.

– У какого озера?

– Ну, у нашего. Какого-какого?

– Как озеро называется?

– Да там, у Любкиного дома. В общем, видим, тётка лежит. Она знаете, вся распотрошённая, будто её кто-то драл.

– Вы нашли мёртвую женщину?

– Ну да. Я вот только квартиру намыла. А тут из неё ещё

столько требухи вывалилось. Приезжайте – уберите, а? – и снова икает.

– Вы что? Её домой принесли?

– Дааа... Уберите, эта выдра так воняет.

– Так женщина или выдра?

– Ну, выдра... в образе женщины.

– Животное, что ли?

– Ну да, животное... Непонятно, что ли?

– Значит, труп животного?

– Даааа, – заорала тётка. – Я же сказала. Уберите эту выд-
рятину отсюда!

Паша редко ругался матом. Но в такие моменты сотни ругательств тут же всплывали в голове, точно «Лукоморье» Пушкина, заученное в начальных классах.

– Ваши фамилия-имя-отчество? – выдавил он сквозь зу-
бы.

– Зачем?

– Зарегистрировать ваше сообщение.

– Беляева Олесь Васильна.

– Валерьевна?

– Васильевна! – завизжала она в трубку.

– Дата рождения?

– Вы что? Знакомитесь, что ли? – кокетливо спросила тёт-
ка.

– Нет. Дата вашего рождения? – отрезал Паша.

– Ой, ну и ладно. Двадцать четвёртое августа... девяно-

стого.

– Ваш адрес, пожалуйста?

– Вы слишком много спрашиваете. Это вообще я вас вызываю, а не вы меня!

– Ваш адрес?

Она замолчала, а потом оскорблённо промычала:

– Всё! Не звоните мне больше, – и отключилась.

Хуже пьяного мужика может быть только пьяная женщина. Как же они надоели! Да их вообще представительницами прекрасного пола язык не поворачивается назвать. Вернуться бы во вчерашний день... к Мире, а не сидеть тут и слушать бред сумасшедших.

Паша вскочил с места и подошёл к окну. Пейзаж за стеклом тоже не радовал: размякшая, хлюпающая жижа на дороге, хмурое, совсем не весеннее небо. Служебные машины исчертили плац, покрытый грязным снегом, серыми проплешинами появившегося асфальта. Чёрные силуэты голых деревьев уныло повесили обледеневшие ветки. И ни намёка на солнце. Неприятное время года: уже не зима, но ещё не весна.

Его мысли снова оборвал звонок.

– Алё? Здравствуйте. Тут это... горит ларёк, – пробормотал голос.

Паша машинально посмотрел на часы. 13.00. Средь бела дня.

– По какому адресу вы находитесь?

– Мирная, 38-Б. А ларёк у перекрёстка. Там выпечку продают.

Паша сразу вспомнил, что там стоит ларёк Гурама. Хозяин пекарни готовит такие вкусные лепёшки, что каждый раз, проходя мимо, Паша не мог устоять и покупал одну, а то и две.

– Я видела, его специально подожгли, – понизив голос, заговорщицки продолжала незнакомка. – Я в окно глядела. Там шпана какая-то крутилась.

– Ваши фамилия, имя, отчество.

– Виталина.

– Как?

– ВИ-ТА-ЛИ-НА.

– А фамилия? Отчество?

– Просто Виталина.

– Значит, анонимно? – уточнил Паша.

– Как вам будет угодно.

– Хорошо. Ваш звонок принят.

– Вы уж разберитесь, поймите их.

– Да, спасибо.

Через несколько минут проезжавший по улице Мирной наряд доложил, что ни один ларёк не горит. Ни следов пожара, ни толпы зевак.

«На Мирной всё мирно!» – засмеялся патрульный.

Утром, когда Паша возвращался со смены, Гурам, как

обычно, хлопотал на своём месте, расставлял товар, протягивал покупателям горячие хачапури.

– Как дела, Гурам? Всё хорошо?

– Работаем, дорогой. У нас в народе говорят: «Какие труды – такие и плоды». Тебе как всегда? Одну, две? У меня новые лепёшки, с лобио. Попробуй. Вкуснооо, – он улыбался, как будто всё утро ждал молодого сержанта как дорогого гостя.

Паша забрал хрустящий горячий пакет, источающий густой аромат. Выдохнул с облегчением – хорошо, что вызов был ложный. Чёртовы шутники! Ладно, когда пацаны балуются, но чтобы бабы... какая-то Виталина. Ещё одна сумасшедшая. Паше хватало полоумной Чекрыгиной, которая звонила каждый день, разоблачая вымышленных убийц и живодёров, и бабушки с Архипова, 20, у которой периодически «гостили инопланетяне». Их номера дежурные знали наизусть. Эля просто не поднимала трубку, увидев номер из черного списка. Паша же каждый раз ругал себя за то, что отвечал на подобные звонки, но проигнорировать их ему что-то мешало, а пересилить себя он не мог.

Когда Паша открыл дверь квартиры, то сначала ждал, что мерзкий кот выйдет его встречать, и не сразу вспомнил, что Катька съехала и забрала Трюфеля с собой. Странно, неужели он привязался к этому ходячему воротнику сильнее, чем к его хозяйке?

Паша незаметно для себя проглотил обе лепёшки. Они

действительно оказались вкусными, как обещал Гурам. Проверил телефон – Мира не звонила. Только пропущенный звонок от мамы. Паша почти нажал на вызов, но остановился и решил, что перезвонит попозже. Очень хотелось спать.

Поначалу суточные дежурства отнимали у Паши столько сил, что иногда он засыпал, как только переступал порог дома, не раздевшись, не помывшись. Трудно было приспособиться к ночным бдениям, потом со временем привык. Но сегодня глаза предательски закрывались, сказывалась предыдущая бессонная ночь. Все-таки организм всегда возьмёт то, чего ему не хватает. Паша зевнул и завалился на диван.

Он так и уснул с телефоном в руке. Проснулся, когда за окном уже горели фонари. Сразу же открыл пропущенные сообщения. Нет, от Миры не было ни одной весточки. Только эсэмэска от Катьки: «Больше мне не звони». Хм, он и не собирался. Может быть, стоит связаться с Мирой самому? Нет, неловко, она сказала, что позвонит, когда ей будет удобно.

Он включил очередную часть «Настоящего детектива»². В серии ещё никого не убили, как раздался телефонный звонок.

– Привет! – сказала Мира так просто и буднично, будто они каждый вечер привыкли перезваниваться.

² «Настоящий детектив» – американский криминальный драматический сериал.

– Да... привет! Как ты?

– Нормально. Я тут всё устроила. Ты сможешь помочь забрать мои вещи?

– Да, конечно. Когда и откуда?

– Ключ от квартиры у тебя в почтовом ящике. Сумка с вещами лежит у меня в шкафу на верхней полке. Там самое необходимое. Но сама я её незаметно вынести не могу.

– Ты хочешь, чтобы я забрал сумку из твоей квартиры? – уточнил Паша.

– Ну да. Не волнуйся, там никого не будет.

– Когда мы встретимся?

Она немного задумалась:

– Ммм... в четверг. Раньше не получится. А сумку заведи завтра. Стаса не будет дома с десяти до обеда. Его пригласили на презентацию в автосалон. Новая «Ауди», навороченная. Он её точно не пропустит.

– А ты будешь?

– Нет. Говорю же, квартира будет пустая. Ты должен сам попасть внутрь и забрать вещи. Когда уйдёшь – просто захлопни дверь, она закрывается автоматически. Позвоню тебе завтра вечером, хорошо? – деловито произнесла Мира.

– Да, конечно.

Паша ждал от неё на прощание хоть какого-то ласкового слова. Катька вечно мурлыкала: «милый», «котик», «лапуля». Но Мира мягко произнесла:

– Спасибо. Мне пора.

– До четверга, – прошептал он. В трубке послышались гудки.

Паша не стал дожидаться следующего дня, влез в толстовку и вышел на лестничную площадку прямо в домашних тапках. Катька бы ему этого не простила. В своём почтовом ящике он действительно нашёл ключ, к которому бечёвкой была привязана бирка с надписью «Черёмуховая, 5 – 88».

Вернувшись домой, Паша открыл в телефоне приложение с картой города. Название улицы было знакомо, но точного её расположения он не знал. Ах да, новый район с элитным жильём. Жилой комплекс «Голиаф». Панорамное остекление, люксовые лифты... Худшее место, чтобы лезть в чужую квартиру.

Глава четвертая

18 марта. Понедельник. Утро

В суточных дежурствах есть два плюса. Они называются – отсыпной и выходной. В десять утра понедельника Паша в трусах поплёлся на кухню. Заварил Катькин чай «Изумрудный махито». Он считал, что чёрный чай куда лучше, но всё в их доме решала Катя, поэтому за отсутствием альтернативы Паша отхлебнул из чашки нечто зелёное. Он до сих пор не мог поверить, что решился на разрыв со своей девушкой. А ведь она в планах уже всё расписала, вплоть до того, в какую школу пойдут учиться их дети.

У Паши в это утро было до того приподнятое настроение, что даже «изумрудное нечто» показалось вполне сносным и даже приятным. Он чувствовал себя, как вол-ярмольник, которого несколько лет кормили гнилым сеном и вот наконец он обрел свободу, и не просто свободу, а шанс жевать самую вкусную и самую свежую траву на лугу.

Многострадальная «девятка» завелась со второй попытки, и Паша отправился на Черёмуховую, 5 – 88. Вдоль этой улицы на окраине города выстроили новый район – ряд однотипных многоэтажек. Среди них возвышались пять каменных свечей. Туда ему и надо было.

Паша припарковался у супермаркета и пошёл во дворы. Пробежал по аккуратным тротуарам мимо клумб и нырнул

в подъезд. Консьержка сделала вид, что не заметила его.

Квартира Миры оказалась на тринадцатом этаже. Надо быть осторожным. Паша не был слишком суеверным, но, когда лезешь в чужую берлогу, невольно задумаешься о приметах.

Ключ с лёгкостью провернулся в замке. Паша зашёл внутрь и закрыл за собой дверь. Раздался слабый щелчок.

Паша не любил захлопывающихся дверей. У него была такая на одной из съёмных квартир. Однажды он вышел вынести мусор, а дверь – бац! Сквозняком притянуло. Пришлось лезть через окно. Хорошо ещё, что этаж был первый и дверь на балкон открыта.

С этой квартирой не помогла бы даже пожарная лестница.

Паша немного замешкался в прихожей. Снимать или не снимать обувь? Но он же ненадолго, и вообще Мира тут больше жить не собирается, так что можно не скидывать ботинки. Тем не менее, чтобы не наследить, Паша пару минут тщательно вытирал ноги о мягкий коврик у дверей.

Широкий коридор открывал вид на огромную гостиную с панорамными окнами. Вид сверху был роскошный, весь город – как на ладони. Паша огляделся. Ничего себе – будто попал на страницы журнала «Интерьер». Белые стены, минимум мебели, лаконичный диван, геометричный столик на пушистом ковре. Вот-вот из-за угла появятся фотомодели в вечерних платьях, а шустрый фотограф защёлкает затвором.

Он огляделся: как найти нужный шкаф с собранной сум-

кой? Их было много, все сплошь встроенные и зеркальные.

Интересно, какой из них имела в виду Мира? Более подробных инструкций она не дала. Паша толкнул наугад одну из дверей и попал в гардеробную. Сразу автоматически включилось бра, осветив ровные ряды полок, забитых вещами. Паша осторожно отодвинул закрытую створку, но там висели лишь рубашки: Burberry, Prada, Hugo Boss. Сплошь дорогие брендовые вещи. В том, что Мира выйдет замуж за более чем обеспеченного товарища, Паша никогда не сомневался.

Он обыскал другие шкафы – ничего. Вернее, было всё, кроме того, что нужно.

За гостиной следовала спальня. Конечно, с огромной кроватью. Кинг-сайз под воздушным покрывалом. Светильники в форме ракушек над изголовьем и пара овальных тумбочек. Мебель, обои, подушки – всё было до того нежно-белесое, что легко было потеряться в пространстве. Спасали лишь тяжёлые фиолетовые гардины и ведро с сиреневыми гортензиями. Встроенные шкафы Паша сначала не заметил, они тоже сливались со стенами.

Он легко отодвинул дверцу ближнего и... Бинго! В первом же отделении увидел чёрную спортивную сумку «Адидас». Она была набита до краёв и напоминала туристический рюкзак, в который путешественники стараются уместить всё необходимое.

Паша наклонился, чтобы взять сумку, и услышал шум.

Может, радио из чьей-то машины орёт во дворе?

Но нет, это в доме. Голоса, шаги, женский смех.

Пашу охватила паника. Мира же сказала, что муж будет на презентации. Кто эти люди? Воры? Пожалуй, единственный человек, который сейчас напоминает вора, – это он. Чужак в спальне, с сумкой, набитой доверху вещами хозяйки. Что делать?

Шкаф, как и всё в этой квартире, был гигантский. Паша уместился бы в нём в полный рост, но почему-то скрючился на полу гардероба и осторожно закрыл за собой дверцу. Сумку он прижал к себе, уронив на неё голову. Сквозь небольшую щёлку на его колени падала струйка света. К горлу от волнения подбиралась тошнота, Паша сглотнул, но сделал это слишком громко. Каждый собственный выдох сейчас казался Паше шумом прибора.

И что теперь?

Какие-то люди зашли в спальню минут через десять. Их было двое. Паша весь взмок. В замкнутом пространстве ему не хватало воздуха, ноги в ботинках вспотели, воротник куртки царапал шею, которая стала липкой.

Он хотел разглядеть людей сквозь щёлочку, но боялся шевельнуться. По голосам было понятно, что в комнату вошли молодая женщина и какой-то мужик.

– Где твоя сейчас? – спросила девушка.

– Сказала, что пойдёт на массаж. Она что-то зачастила туда.

– Старенькая она у тебя совсем, – засмеялась девчонка. – Радикулит лечит?

Понимая, что наглая малолетка говорит о Мире, Паша недовольно дёрнулся, и на него сверху соскользнул шёлковый халат. К счастью, это не произвело никакого шума, но Паша мысленно обругал себя за несдержанность. Надо терпеть.

– Радикулит лечат медикаментозно, – послышался бесцветный, равнодушный голос мужчины.

– А ты мне сделаешь массаж? – игриво захихикала девчонка. – У меня затекло тут и вот тут.

Пашу так и скрутило, он ощутил себя героем глупого анекдота. Не сложно догадаться, к чему клонит эта девица. Вот попал!

– Раздевайся, – приказал всё тот же блёклый голос.

Паша сидел неподвижно, но изнутри его распирало от возмущения – этот урод изменяет Мире! Хотя... Мира, получается, тоже... почти... Но она ведь собирается от него уходить. И теперь понятно почему.

«Какой-то трэш натуральный. Надо же так влипнуть! Если доживу, буду внукам рассказывать».

Ему показалось, что всё длилось возмутительно долго. Ноги затекли, тысячи иголок впелись в икру. Паша морщился и пытался бесшумно поменять положение.

В голове не укладывалось, что это он сидит в шкафу и слушает чьи-то стоны, крики и пыхтение. Девица забавно по-

хрюкивала, Паша еле сдерживался, чтобы не хрюкнуть в ответ.

Ситуация даже начала его забавлять, и Паша слегка расслабился. Наконец удалось медленно вытянуть онемевшую ногу.

Вскоре Паша услышал, как где-то зашипела вода. Наверное, в ванной. Ему захотелось отодвинуть дверцу, глотнуть свежего воздуха, потому что дышать в шкафу было уже нечем. Но он остановил себя – пока рано показывать нос из убежища.

И правильно сделал. Босые ноги прошлёпали обратно в комнату.

– Ах, вот он! – капризно прокричала девчонка. – Стаааас, ты мне лифчик порвал.

– Не парься, найду тебе новый.

Полоска света задрожала, их тени замелькали совсем рядом. Голоса звучали прямо у дверцы, за которой сидел Паша.

Звук открывающихся ящиков застал его врасплох. Хлоп – и Паша вздрогнул. Снова хлопок – и сердце упало куда-то вниз к желудку. Виски стали совершенно мокрыми от пота.

А он уже надеялся, что всё обойдётся, что его не найдут. Как теперь объяснить, кто он такой? Что не вор и не маньяк?

Капля пота скатилась со лба к уху. «Это провал, Зайчик», – мысленно прокомментировал он происходящее голосом капитана Мишина.

– Она держит их где-то здесь, – бубнил Стас.

– Иди ты! Не буду я одевать шмотки твоей жены! – завизжала девчонка.

– Надевать, а не одевать, – педантично поправил её Стас. – Давай-ка пошустрее.

Снова шаги. Какая-то возня. Похоже, вышли из спальни. Наконец хлопнула дверь, все звуки стихли. Паша теперь слышал лишь собственное свистящее дыхание да шум крови у себя в ушах.

Неужели? Неужели ушли?

Вывалившись из своей норы, он почувствовал в воздухе запах приторно-сладких духов. Будто оказался в гримёрке у танцовщиц кабаре.

Надо валить, пока ещё кто-нибудь не нарисовался.

В обнимку с сумкой Паша выбежал на улицу, бросил её на заднее сиденье машины и на скорости вырулил со двора.

Подъезжая к своему району, Паша издалека заметил пожарную машину на углу перекрёстка и зевак, столпившихся у дороги.

У дома 38 по улице Мира дымился ларёк. На часах было ровно час дня.

Глава пятая

18 марта. Понедельник. День

Паша притормозил у обочины. Пробравшись сквозь толпу, он увидел, что пожар уже потушили. Видимо, огонь был не сильным, катастрофического урона, как оказалось, пламя не нанесло. Только правая стенка ларька почернела, закоптилась неровными пятнами, да вывеска оплавилась с одного бока. Больше всех пострадал Гурам. Он носился вокруг ларька с перекошенным, испачканным сажей лицом и что-то кричал в трубку телефона на своём языке. Похоже, он плевался проклятиями. Паша хотел подойти, спросить, что стряслось, но хозяин лавки выглядел угрожающе и явно не был расположен к разговорам.

Дома Паша упал на диван без сил, будто отработал пять смен подряд. Денёк начался крайне оригинально, сначала его чуть не поймали в чужой квартире, как вора, теперь вот ларёк... Он сразу вспомнил странный звонок. Валентина... Нет, Виталина! Да, точно. Которая звонила вчера. Она что-то говорила про подростков, вроде как они подожгли ларёк на улице Мира. Но звонила она вчера, а случилось это сегодня. Чертовщина какая-то. Надо будет завтра спросить у дежурного опера, что там всё-таки произошло.

Может, он принял звонок из будущего? Ю-ху! Ну, неет. Похоже, от недостатка кислорода в шкафу в голову стали

приходить самые бредовые идеи. Позвонили вчера – случилось сегодня. Никак Кассандра вышла на связь. Тьфу! Надо бы сосредоточиться и пораскинуть мозгами.

Но мысли всё время возвращали его к Мире.

Хотелось думать, вспоминать о ней. О том времени, когда она была курносой девчонкой с двумя тугими косичками. Однажды она посмотрела передачу про экстрасенсов и сказала, что у нее тоже открылся дар предвидения. Всю дорогу домой со школы Мира устрашающим голосом предсказывала Паше то, что должно произойти завтра. Якобы она «слышала голос следующего дня». Паша улыбался... и верил. И даже не удивился, когда всё, что она напроорочила, сбылось. Мира предсказала, что дома его отругает мама, что завтра отменят урок труда и что весь день будет лить дождь. Конечно, возможно, она видела прогноз погоды и слышала, что трудовик заболел, а о том, что мама закатит сыну взбучку, можно было догадаться по его грязнушим брюкам. Всё равно Паша верил, что его подруга – волшебница. Даже если у неё нет никаких сверхъестественных способностей.

В углу комнаты лежал его сегодняшний улов. На полу распласталась, будто туша тюленя, спортивная сумка – немой свидетель Пашиной сумасшедшей вылазки. Конечно, измены – дело обычное, но только если это не тебя касается. И только не с Мирой... разве с ней так можно? Нужно ли ей сказать? Да она, наверное, и так знает. С чего бы она собралась уходить от этого богатея, прихватив сумку, в которой

поместился бы подросток? Интересно, чего она туда натолкала?

В чужих вещах копаться нехорошо, Паша это понимал, но профессиональное любопытство пересилило. С минуту он боролся с желанием заглянуть внутрь и согласился на компромисс со своей совестью: «Только посмотрю и сразу закрою». В сумке лежала одежда, и в основном она была детской. Джинсы, футболки и свитера на мальчика (если судить по расцветке), пара сапожек, какие-то игрушки и немного женских вещей.

Сразу сумку Паша не закрыл, наверное, стерев одну границу, трудно остановиться.

На самом дне лежала пластиковая папка. В ней аккуратно были сложены документы и немного денег. Паспорт Миры. Она, оказывается, даже не сменила фамилию. Свидетельство о рождении и медицинский полис на имя Зверева Артемия Станиславовича.

Выходит, у Миры есть сын?! Да, фамилия отца... Дата рождения: 20.08.2016 г. Так странно. Мира – и мама.

Два месяца в университете, Мира была какой-то молчаливой и настороженной, когда все поглаживали по животу их старосту группы Арину. Круглая Зайцева с трудом умещалась за партой. Остальные одноклассницы ворковали вокруг, вспоминали душещипательные истории из опыта родов. Кто, где и как. Те, кому ещё не довелось познать счастье материнства, возбуждённо обсуждали варианты имён для

будущих первенцев. Только Мира не участвовала в этой женской вакханалии. Конечно, она привычно улыбалась, удивлённо поднимала брови. Но глаза... Влажный блеск, который легко можно было бы принять за искреннее умиление беременной одnogруппницей, не мог скрыть внутреннего напряжения и тревоги. Во всяком случае, Паша это заметил. Тогда он подумал, что, видимо, освещение делает её лицо более взрослым и нервным. Нет, Мира не стала менее красивой, наоборот. Однако эта перемена в выражении её глаз не могла от него ускользнуть.

– Мира, а ты чего живот нашей беременяшки не гладишь? – спросила её Житкова.

Как была приставучей – так и осталась.

– Вы уже замучили Арину, скоро дыру у неё на платье протрёте, – отшутилась Мира. И больше ни слова на тему о детях.

Паша слышал потом, как девчонки её обсуждали. «Зазналась совсем». «Нос кверху». «Было б из-за чего задаваться. Вы её водолазку застиранную видели?» «Подумаешь, мужика богатого отхватила, так теперь такая фифа».

Несколько лет назад новость о том, что Мира вышла замуж, Паша воспринял спокойно. Он ожидал чего-нибудь подобного. К тому же он тогда только познакомился со студенткой по обмену из Сингапура и был увлечён экзотическим романом. Про свадьбу Миры написали местные издания, и сплетни разлетались, как испуганные голуби на пло-

щади: повезло, жених при деньгах, имеет свой бизнес, платье у невесты из Италии, стоит баснословных денег. Больше Паша ничего не знал и не хотел узнавать. Зачем расковыривать затянувшуюся рану?

Он подскочил от резкого звонка телефона. Наверное, задремал.

– Привет. Ну как? Получилось? – взволнованно проговорила Мира.

– Да, сумка у меня, – осторожно ответил Паша.

И как теперь быть с тем, что он видел... вернее, слышал? Молчать? Рассказать? Наверное, нужно сказать про мужа. Но не сейчас. Не по телефону.

– Теперь надо отвезти её в ячейку на вокзале.

– Хорошо, без проблем.

– Пришли потом, пожалуйста, эсэмэской номер ячейки и код.

– Да, конечно.

– Спасибо. Ты мне очень помог.

– А дальше? Мира, мне надо с тобой поговорить. Мы ведь встретимся?

– Да, обязательно. Двадцать первого, в четверг.

– Через два дня? Хорошо, у меня как раз будет выходной.

– Запиши. Свирский проезд, девятнадцать. Там ещё речка течёт. Помнишь, где это?

– Да. Это где Зоологический музей был?

– Давай там. В семь вечера.

– Хорошо. Буду ждать встре...

Она нажала «отбой», не дожидаясь ответа.

Вечером Паша отвёз сумку в камеру хранения и послал Мире сообщение с кодом от ячейки, как и договорились. Ответ пришёл сразу – вежливо-скупое «спасибо».

Паша хотел ей позвонить, но остановил себя. Возможно, сейчас ей не до разговоров. Не нужно навязываться, он и так ощущал себя непривычно. Нет, Мира всегда была для Паши самой желанной и красивой. Но со временем это чувство притупилось, не кололо больше острой иголкой. Паша замуравал его глубоко в сердце, обустроил алтарь, и тот с успехом начал покрываться пылью.

Но сейчас эфемерная богиня спустилась с Олимпа и снова превратилась в девушку из плоти и крови, такую родную и близкую. Вокруг жертвенного камня горят тысячи свечей. Он думает о ней всё время. И никак не может сосредоточиться на чем-то другом. Это вообще нормально? Паше было неуютно, это чувство брало над ним власть, оно окрыляло и сковывало одновременно. Паша опасался его, как животное, которое уже однажды попадало в капкан и помнит боль.

Он обернулся и уныло посмотрел на серое непримечательное здание вокзала. Зачем Мире нужна такая конспирация? Ячейки эти. Он бы подвёз ей вещи сразу туда, куда нужно. Может быть, Мира ему не доверяет?

Снег не переставал валить. Его машину почти полностью

облепило свежими хлопьями. Паша достал щётки, чтобы почистить лобовое стекло. В этот момент в кармане завибрировал мобильный. Мира?

– Привет, братан. Куда пропал? Что творишь? – послышался голос Илюхи Соколова.

– Да ничего. Собирался домой ехать.

– Так. Ты что, забыл? – угрожающе проревел друг.

Точно, совсем из головы вылетело. Они ведь собирались поиграть в Форзу³. Сегодня же понедельник. Илюха ждёт.

– Алё! Пахан! Ты чего замолчал?

– Да замотался совсем. Слушай, уже поздно. Завтра на работу, рано вставать, – замялся Паша.

– Значит, бросаешь меня, – обиделся Илья.

Паша вздохнул:

– Ладно, уговорил. Только ненадолго.

Когда Паша подъехал к аккуратному частному дому с мансардой, то долго искал, где оставить машину. Как рассказывал Илюха, тут у каждого соседа было своё излюбленное место для парковки, которое занимать не рекомендовалось. Паша оставил свою «девятку» между «Маздой» и «Дастером» в конце улицы. Можно было притормозить и пораньше, но соседство с огромным «Рэндж Ровером» и намытым до блеска «Ягуаром» его смущало, и он решил не рисковать.

Паша торопливо зашагал к знакомому дворику, в котором вдоль дорожки, бегущей к дому, выстроились раскрашенные

³ **Forza** (с итальянского «сила» /'fɔ:rtʃa:/) – серия гоночных видеоигр для Xbox.

керамические гномы. На снегу виднелись крупные следы собачьих лап, ведущих прямо к дверям. Наверное, Илюха забрал Барта в дом.

Как только Паша поднялся по ступенькам, щёлкнул замок, дверь отворилась, и первым, кого он увидел, был пёс. Золотистый ретривер кружил на месте и заливался радостным лаем. Его хозяин стоял сзади, держа в руках бутылку пива, и жестом показывал, чтобы Паша быстрее входил.

– Зафоди, – невнятно пробубнил Илья, дожёвывая кусок бекона, и пошёл вперёд, не дожидаясь, когда гость разденется.

Паша закрыл за собой дверь, скинул верхнюю одежду, почесал за ухом ластящегося Барта и прошёл в гостиную. Илья уже сидел перед огромной плазмой с джойстиком в руках.

Он был килограммов на пятьдесят тяжелее Паши. Этакая смесь мышц и сала. Илья исправно ходил в тренажёрный зал заниматься, но там каждый раз непременно встречал какого-нибудь знакомого, с которым не мог не обсудить новую часть «Ассасина»⁴ или преимущества Apple перед Samsung. Из-за его болтливости много времени уходило впустую, и от тренировок не было толку. А учитывая то, как Илюша уплетал бургеры в «Макдоналдсе», говорить о спортивной фигуре приятеля не приходилось.

Илья нигде не работал и о том, чтобы найти своё при-

⁴ **Assassin's Creed** – медиафраншиза французской компании Ubisoft, основанная на серии компьютерных игр. Франшиза насчитывает 11 основных игр.

звание, не помышлял. Жил с родителями, которые всем его обеспечивали. Двадцатипятилетний детина и думать не думал о девушках, об отношениях или (упаси бог) собственной семье и тем более о детях. Это было бы для него сущим безумством. Он даже отказался от автомобиля, когда родители предложили ему его купить. Машина в какой-то мере тоже нуждается в заботе, а у Ильи и без того хлопот хватало. Например, придумать, как не разорваться между игрой в «Доту»⁵ и новым сезоном «Сотни».

– Садись, братан. Я уже зарядил, – Илья, не глядя, хлопнул по ковру ладонью. – Жрать хочешь?

– Нет. Я не голодный.

Паша успел лишь взять в руки свой джойстик, как из коридора послышался звонок. Барт, подав голос, кинулся к дверям.

– Странно. Кого это принесло? – Илья поставил игру на паузу. – Родоки уехали в Чехию. Папа маме какой-то мост на Восьмое марта показать обещал. Вернутся только через неделю. – Он не без труда поднялся и направился к двери.

Дверь хлопнула, но пёс не прекращал лаять, причём явно недружелюбно, и Паша выглянул в коридор посмотреть, кто пришёл.

– Тихо, Барт! – цыкнул Илья и, смягчив тон, пробасил: – О, кого я вижу! Ты своего любимого потеряла?

⁵ **DotA** – командная тактико-стратегическая игра с элементами компьютерной ролевой игры.

У порога, фыркая, как промокшая кошка, топталась Катька. У Паши от неожиданности перекосило лицо. И чего она тут забыла?

– Он мне больше не любимый. – Катерина с гордым видом зашла внутрь и скинула с головы капюшон.

– Да ладно тебе, не злись, – примирительно улыбнулся Илья, – мы всего-то полчаса поиграть хотели.

Паше стало стыдно. Ведь он даже не рассказал другу о том, что расстался с девушкой.

– Я вот тут заехала на нашу старую квартиру, – с вызовом начала Катька, – а там – никого. Думаю, наверное, он у своего дружка.

Услышав «нашу», Паша почувствовал во рту горький привкус. От её болтовни об их будущей семье у него всегда начиналась изжога, как после острой мексиканской тортильи, которую Катька считала своим фирменным блюдом.

– Илюша, сделай-ка чаю. Нам с Павлом надо поговорить, – выдала Катька, разговаривая со своим отражением в зеркале, одновременно стирая обслюнявленным пальцем размазанную под глазом тушь.

Илья скрылся на кухне. Собака же предпочла остаться, улеглась в сторонке и внимательно следила за недовольной гостьей. Катька брезгливо поморщилась, когда Барт в очередной раз высунул синеватый язык, потом демонстративно поджала губы, прижала к себе руки и, опасливо косясь на пса, прошествовала в гостиную в тапках Илюхиной мамы.

Ничего хорошего её визит Паше не предвещал. Он сделал два шага в гостиную и остановился, подперев спиной шкаф и скрестив руки на груди.

А он-то, наивный, поверил, что Катька так быстро от него отстанет.

Илья занимался чаем на кухне. Оттуда доносилось позвякивание, потом что-то упало, загремело.

Хозяйка из Ильи, конечно, никакая. Для этого у него была мама. Удивительно, как это его родители наконец решились оставить деточку одного?

Паша поглядывал на дверь, досадуя, что Илья так долго возится. Только Барт бесшумно просочился за ним в комнату и уселся вплотную к Пашиным ногам, будто чувствуя, что тому нужна поддержка. Разговаривать с Катькой совсем не хотелось. Она же сидела на диване, высоко задрав подбородок, и смотрела прямо перед собой, плотно сжав губы. Точь-в-точь как математичка на экзамене в девятом классе.

– Ты так и будешь молчать? Ничего мне не хочешь сказать? – произнесла Катерина холодно, не поворачивая головы.

– Нет. – Паша пытался отогнать мысли о тригонометрии, но нелепые ассоциации не исчезали.

– То есть ты так легко решил убить нашу семью, Павел? – она резко повернулась в его сторону. Барт дернулся от неожиданности и ткнулся рыжей мордой в Пашины колени.

– Нет у нас никакой семьи, Катя.

– Ах, вот как? То есть для тебя всё, что было у нас, ничего не значит? – в её голосе были слышны нотки надвигающейся бури.

– Пожалуйста, не усложняй. Наши отношения закончились.

– Ты не можешь так просто взять и отказаться от меня, то есть от нас! Я на тебя целый год потратила. Жизни своей. Молодости! Чего тебе не хватает? У меня талия шестьдесят сантиметров, модельные параметры. Я готовлю... Все говорят, что я просто изумительно готовлю!

– Вот и живи со всеми, – Паше даже понравилось, как он ответил.

– Ты ещё ухмыляешься?! Павел, это не смешно. Я ждала от тебя хотя бы звонка или сообщения. А ты... – голос Катьки задрожал, она закусила губу и отвернулась. Потом глубоко вздохнула и, не глядя на Павла, отчётливо произнесла: – Но если ты сейчас извинишься, то я подумаю и, возможно, прощу тебя.

Паша еле сдержал улыбку. Первоначальный страх разборок куда-то испарился. Катька, несмотря на истеричные вскрикивания, выглядела комично и несла какую-то ерунду. На ней была розовая кофта с люрексом, вся в вытянутых петлях (Трюфель-солнышко постарался) и чересчур обтягивающие бёдра легинсы. Будто юбку забыла надеть, так торопилась добраться и вынести ему мозг. Косметика некрасиво размазалась. И как эта нелепая девушка могла раньше вол-

новать его?

Не дождавшись от Павла ответа, Катька взорвалась.

– А что я подругам скажу и родителям? Все думают, что у нас летом свадьба! – заорала она.

Интересно, почему их посетила эта идея, не с Катькиной ли лёгкой руки? Вернее, болтливого языка.

– Ты что, издеваешься? Я уже платье в салоне присмотрела, – всхлипнула она. – Я же за тебя... Я же для тебя... – Катька шумно шмыгнула носом. – А помнишь, мы хотели сына Германом назвать, как моего дедушку...

– Это ты хотела. Мне это имя вообще не нравится, – отрезал Паша.

Катька сложила губы трубочкой, прикрыла глаза и проговорила, будто смертельный диагноз прочитала:

– Я беременна.

Паша почувствовал, что пол покачнулся. Он вцепился пальцами в густую шерсть пса. Барт взвизгнул, но не убежал.

– Что смотришь? – прошипела Катька. – Да, я беременна... могла быть. Все благоприятные условия для этого были. Но, видимо, тебе лечиться нужно.

Она желчно рассмеялась.

Паша сначала облегчённо выдохнул, но потом почувствовал растущую злость:

– Да иди-ка ты отсюда! Нашла, чем шутить! Коза драная!

– Что, испугался? Все вы такие. Бойтесь ответственности. Жалкие кобели! – Она вскочила с дивана.

– А вот и чай, – в арке, ведущей из кухни, появился Илья с подносом в руках, чертовски довольный тем, что наконец у него всё получилось.

Катька, пролетая мимо него, со всей дури лупанула по подносу. Бутерброды с толстыми кусками ветчины, чашки и сахарница с ложками полетели на пол. Барт, который крутился под ногами, еле успел отскочить в сторону.

– Совсем сдурела, – буркнул Паша.

Илья был настолько обескуражен, что так и застыл безмолвным изваянием.

Катька быстро оделась и пулей выскочила на улицу, на прощание проверещав: «Ты ещё пожалеешь!»

Паша помог Илье убрать с пола. Вернее, просто сделал это сам. Потому что совершить два подвига подряд на хозяйственном фронте для Ильи было уже слишком.

– Извини, она сумасшедшая, – развёл Паша руками.

– Я никогда не женюсь, – констатировал приятель.

На улице похолодало. Мороз усилился, но ветер ослабел, прекратил сбивать с ног. Вокруг – ни души. Тихо-тихо. Паша медленно побрёл к машине. Он всегда просто физически уставал от Катькиных истерик. Надо бы проверить машину. Что, если эта неадекватная повредила её? Он же должен был «ещё пожалеть». Но потом успокоил себя мыслью, что с её знаниями техники Катька бы стала искать двигатель в багажнике и не сообразила, где брызговик, а где маховик.

Единственное, с чем она взаимодействовала в машине, – это зеркало заднего вида, которое Катька постоянно норовила повернуть на себя. Как он раньше не замечал её косности и примитивности? Наверное, его это просто не волновало.

Из кармана куртки запел Адам Левин⁶. Неужели она не может уgomониться? Во втором раунде этих бессмысленных разборок Паша участвовать не собирался.

Паша мельком взглянул на телефон. На экране высветилось «мама».

– Привет, Паш. У тебя всё хорошо? – голос мамы звучал взволнованно.

– Да, мам, нормально. Ты как?

– Я-то как всегда. А вот ты куда-то пропал.

– Ай, завертелся. Давай я тебе попозже позвоню. Мне завтра заступать на сутки. Ещё форму гладить, – придумал на ходу он. – Я тебя наберу. Потом. Сам.

– Хорошо, Паша, – согласилась мама. – Давай тогда. Пока.

Да, образцово-показательные сыновья так себя не ведут. Мог бы хоть немного поддержать беседу. Угрызения совести царапнули, но тут же включился внутренний адвокат: «Мама у меня понятливая, потом ей всё объясню». Сегодня Паша больше говорить не мог. Будто исчерпал лимит слов на этот день.

⁶ **Адам Ноа Левин** – американский певец, актёр, вокалист и гитарист поп-рок-группы Maroon 5.

Глава шестая

19 марта. Вторник. Утро

В дежурке было необычно тихо. Эля ковырялась в мобильнике, капитан осоловело пялился в камеры. Всё утро валил мокрый снег, он падал в лужи и смешивался с грязью. Тучи так и висели над городом, как старые грязные декорации. Выходить на улицу в такую погоду совсем не хотелось. Видимо, и потенциальных нарушителей порядка на подвиги сегодня не тянуло – телефоны дежурных молчали.

Воспользовавшись паузой, Паша спросил:

– Васильич, не знаешь ничего про вчерашний поджог? Ларёк на Мирной.

– Я сегодня с тобой заступил. Откуда мне знать, что там вчера было?

– Ну, может быть, слышал...

– Шпана вроде какая-то подожгла, – ответила Эля, не отводя глаз от экрана айфона.

– Просто... Помните, в прошлую смену мне позвонила женщина и оставила сообщение про горящий ларёк?

– И что? – нехотя повернулся капитан.

– Так это тот самый ларёк, на Мирной.

– Он второй раз, что ли, горит? – не врубился Васильич.

– Да нет же. Когда в первый раз сообщили, он не горел. Позвонили в субботу, а случилось это в понедельник.

– И что? – капитан зевнул и выжидающе уставился на Пашу.

– Он хочет сказать, что ему позвонила предсказательница будущего, – рассмеялась Эля.

– Ааа, – Васильич сделал вид, что понял. – Тогда если твоя ведунья ещё раз позвонит, спроси у неё, когда нам зарплату поднимут.

– Есть тут кто? Парни, киньте мне ключи от 413-го, – слышался знакомый картавый голос.

В окошке дежурки засветилась широкая улыбка Сани Шаранова из убойного. Это был энергичный парень с живыми глазами и ранней сединой, разбавлявшей густые каштановые волосы. В управлении действовало негласное правило: в убойное отделение брали самых достойных. И Саня подходил по всем параметрам. Несмотря на свой молодой возраст, он был не по годам рассудительным, с цепким умом и весёлым нравом. Он часто подтрунивал над коллегами, и в то же время в нём чувствовались некая уверенность и спокойствие.

Паша вскочил с места и метнулся к сейфу с тубусами. Эля молча проводила его удивлённым взглядом. С чего такая прыть? Паша подал Шаранову тубус с нужным ключом и как бы между прочим поинтересовался:

– У вас на этаже ничего не говорили про вчерашний поджог?

– Вроде как отработали парни. По видео малолеток уста-

новили. Что с них взять? За пару косарей они и не такое сделают.

– То есть это не просто баловство?

– Так, скорее всего, торгаши не могут территорию поделить. А тебе-то зачем?

– Да-а... просто. Вкусные хачапури там.

– Боишься, что пирожки подгорели? – прищурился Саня и быстрыми шагами направился к лестнице.

Больше Паша об этом происшествии никого не стал спрашивать. Может, и вправду совпадение.

Не время думать про лаваш, надо бы сосредоточиться на будущем разговоре с Мирой. Как сообщить, что её муж приводит в их дом другую? И надо ли? Возможно, Мира знала и потому решила уйти от него. Да, тогда всё понятно. Только зачем ей прятаться? Обычно женщины устраивают неверным мужьям бурные скандалы и разборки. Хотя кто знает, что бывало за дверьми их семейного гнёздышка? Да и Мира не была обычной женщиной в Пашином представлении.

Снег перестал идти, алкоголики добралась до винных магазинов, и новые сутки пошли в привычном режиме: скандалы, шумные соседи, побои и пьяные ссоры, воришки в сетевых магазинах.

– Слушаю. Алё, вас не слышно. Слушаю вас, говорите громче! – почти кричала в трубку Эля. Потом со злостью швырнула на стол трубку, телефон жалобно звякнул. Она сдула светлую прядь с лица и выпалила: – Да что за уроды?!

Достали уже звонить и молчать. Бесят! А может, у меня с линией что-то или телефон сломался?

– Ещё бы. Конечно, сломался. Так казенное имущество швырять! – покачал головой Васильич.

Эля бросила на него гневный взгляд:

– Тогда сам садись и отвечай на такие звонки.

– Мне не положено, – спокойно ответил капитан, протирая уставшие глаза. – В должностных обязанностях не прописано. А вам, сержант, надо быть более приветливой. Всё-таки лицо... вернее, голос полиции.

Милославская покраснела от возмущения.

Паша не горел желанием выслушивать Элины бранные tirades. Материлась она похлеще мужиков, а в ярости – и вообще была неудержима. Потому её и ставили в смену с Васильичем. Того было ничем не пронять, в такие моменты он отводил глаза и, казалось, врубал в голове музыку, которую слышал только он.

За окном стемнело, время шло к вечеру. Паша поднял трубку и в очередной раз представился.

– Алло! Полиция? Меня зовут Виталина.

Внутри у Паши будто зуммер⁷ включился. Аж в жар бросило. Опять!

– Что у вас произошло? – Паша попытался изобразить

⁷ **Зуммер** – сигнальное устройство типа «пищалка». Встречается в телефонах, сигнализациях, электронных часах, да и любой радио- и бытовой технике в целом.

беспристрастность, но внутри нарастала волна нетерпеливого беспокойства. Он даже заёрзал на стуле.

– Помогите! – плакала женщина. – Случилось страшное! – всхлипывала она.

– Что? Что именно случилось? Говорите!

– Женщина... с ребёнком... упали с моста. Они погибли!

– С какого моста? Где? Где вы находитесь?

– Это старый район. Михеевская улица, кажется.

– Не кладите трубку, я соединю вас с дежурным отдела.

Паша даже не успел переключить её на другую линию, как услышал, что Виталина уже сбросила звонок.

– Васильич! – Паша попытался перекричать Элю, которая шумела и никак не могла успокоиться. – Тут... сообщение...

Капитан сделал успокаивающий жест рукой, подошёл к Паше и с деловым видом надел его наушники.

– Какое? – уточнил он, щёлкнув по клавиатуре и открыв архив с записями разговоров.

– Вот, последнее.

Эля, возмущённая непробиваемой выдержкой капитана, надулась и ушла в комнату отдыха, бросив напоследок:

– У меня перерыв. Заменишь, не переломишься. Подумаешь, в должностных у него не написано.

Васильич снял наушники и посмотрел на Пашу опухшими глазами:

– Так ведь анонимное. Не регистрируется.

– Мне кажется, стоит все-таки проверить.

– Смотри, – капитан ткнул пальцем в экран. – Похоже, это твоя заявительница Эльку терроризировала.

Паша сравнил номера. И правда, номер, с которого звонили и бросали трубку, был таким же, как у Виталины.

– Ну, мне-то она сообщила. Не молчала.

– Так, может, она именно с тобой желала пообщаться? А как слышала Элькин голос, так сразу отбой давала. По-моему, это твоя тайная поклонница. Опять шутит.

– Но ларёк ведь всё-таки подожгли. Вдруг...

– «Вдруг» бывает только пук.

– Может, направим 112-й? – Паша сделал жалостливое лицо.

– У парней сейчас ужин. Сам тогда с ними связывайся, – махнул рукой Васильич и вернулся на своё место.

Паша так и сделал.

Проезжая мимо Михеевской улицы, 112-й патруль не нашёл ни упавших, ни свидетелей, ни звонившей Виталины, о чём сразу же доложил.

Васильич только бровями поводит, укоризненно посмотрев на Пашу, который почувствовал себя последним дураком.

Тем не менее тревожное чувство не покидало его. Если предсказаниям Виталины суждено сбываться, то через день-два на Михеевском мосту должна случиться трагедия. Тьфу ты! Неужели он сам верит в эту чушь?

Паша перевёл взгляд на часы. Начало восьмого.

А может, и не случится ничего. Мало ли... сумасшедшая угадала, что ларёк Гурама подожгут, всякие совпадения случаются. А может быть, нашлось бы ещё более прозаичное объяснение. Ну, к примеру, пацаны могли попытаться поджечь ларёк, а у них не получилось. Спугнул кто, или ещё что. Вот они и исправились через пару дней, довели дело до конца. Хотя Виталина говорила, что ларёк уже горел.

Паша резко потёр лоб. Он уже эту Виталину называет по имени, как старую знакомую. Нужно бы выспаться. И пора перестать заморачиваться по пустякам. Сейчас, когда Мира наконец была так близко, хотелось сосредоточиться на ней и не забивать голову всякой мистикой.

Глава седьмая

21 марта. Четверг. Вечер

Паша попытался открыть окно. Старое дерево разбухло, рамы примёрзли друг к другу, и у него не сразу получилось сдвинуть их с места. Наконец окно поддалось. Холодный ветер пробрался под рубашку, но Паше всё равно было жарко. Он уже два раза принял душ и вылил на себя полпузырька «Армани Код». Предстоящая встреча туманила Паше голову. На часах не было и пяти, а он уже оделся и сидел на диване, как в зале ожидания. Он был похож на лунатика, смотрящего в своей голове фильм, этакое персональное представление для помешанных. Картины сменяли одна другую: её мягкие волосы, поцелуй у дверей, сладкий привкус бальзама для губ.

Чёрт! Размечтался. Надо остановить это безумие.

Паша выскочил в коридор, быстро обулся, схватил куртку и выбежал из квартиры. До бывшего Зоологического музея можно было доехать за пятнадцать минут, но он решил пройти пешком, времени было с запасом. Промозглый ветер пробирал до костей, но холода как такового Паша не ощущал. Лицо пылало. В голове крутились одни и те же вопросы. Как себя с ней вести? Рассказывать ли про мужа или не надо? Сейчас он уже не был уверен, стоит ли поднимать эту тему.

По пути Паша заскочил в забегаловку и купил кофе. Раньше он не жаловал этот напиток. Кофе казался ему горьким, со слишком агрессивным запахом. А в полиции привык к нему и даже полюбил. Паша сел у стойки и, отпивая мелкими глотками американо, безучастно глядел в окно. Гул посетителей, звяканье чашек и Эд Ширан, доносящийся из колонок, немного успокоили его.

Паша до того расслабился, что, вынув из кармана вибрирующий телефон и не взглянув на экран, нажал на кнопку «ответить». Пришлось сразу пожалеть об этом.

– И где ты опять шляешься? – не удосужившись поздороваться, накинулась Катька.

– Тебе-то какое дело? – опешил Паша.

– Значит, так ты теперь со мной разговариваешь? Я пришла за своими вещами. Имею право забрать?

– Разве ты не всё забрала?

– Конечно, нет. А слоник из сандалового дерева? Мне его вообще-то тётя подарила, вернувшись из Таиланда.

– А, ну да. Безусловно, важная вещь, просто необходимая в хозяйстве.

– Это добрая память, – прорычала Катька. – Но ты не знаешь, что это такое. Для тебя всё, что было, не существует и никак тебя не волнует.

Где-то он такие фразы уже слышал.

– И долго мне тут торчать? У дверей?

– Меня нет дома, и не знаю, когда приеду обратно. И во-

обще, Катя, я твоим родителям могу сам слона завезти, если уж эта статуэтка так важна для тебя.

– Не смей появляться перед моими родителями! Они тебя выгонят, на порог не пустят.

– Тогда оставляю у порога. Ладно, Катя, пока. Мне сейчас позвонить могут.

– Кто? – ревностно спросила она. – Женщина?

– Да, – не стал врать Паша. Вполне возможно, Мира захочет перенести время или сообщить, что задерживается или ещё что-нибудь.

– Я так и знала! – горячо выпалила Катька. – Вот оно что! То-то ты ВКонтакте всякую ерунду псевдофилософскую постишь: «Всё будет не так, как мы решим. Всё будет тогда, когда мы решимся». И картинку такую романтическую поставил. А? Бабу новую нашёл?

Она что, изучала его странички в соцсетях?

– Просто бесполезный разговор. Пока, Катя, – Паша нажал «отбой». Он не собирался сообщать ей про Миру. Вдруг Катерина вконец свихнётся, найдёт Миру в соцсетях и начнёт там её терроризировать?

Катька снова позвонила, но Паша сбросил. Она повторила попытку, Паша открыл список контактов и отправил Екатерину Стебновскую в черный список. Удивительно, пару недель назад он бы испытывал муки совести за то, что так поступает с девушкой, пусть бывшей, но всё же. Сейчас же телефонный «бан» казался единственным логичным выходом.

дом.

Пальцы привычным движением открыли приложение. Страница ВКонтакте у Миры была малоинформативной. Пара её фотографий. Не свежие, сделанные года два назад. У неё на них светлые, мелированные волосы до талии. В основном портреты. Ни фото с отдыха, ни совместных семейных фотосессий. Из праздного интереса заглянул на страничку к Катке. На стене кричали статусы: «Когда-нибудь и ОН поймёт, как я его любила, он на коленях приползёт, а я скажу – ЗАБЫЛА!!!!», «Больше не друг и даже не враг, ты теперь как ВСЕ. Ты теперь просто так». И самый душераздирающий: «Обиженная женщина – это очень опасно. А разбитое сердце часто слишком жестоко». А вот... только что выставила: «Ошибаюсь... Обижаюсь... Иду вперёд и улыбаюсь... А ты смотри, смотри мне вслед... таких, как Я, ведь больше нет...»

Ну, главное, что улыбается уже.

На улице сгустился сумрак, когда Паша вышел из кафе. На часах было без четверти семь. Осталось пройти несколько кварталов, чтобы успеть в назначенное место. Он хорошо помнил, где раньше был городской Зоологический музей. Мира не просто так указала на это место.

Когда им было лет по тринадцать, в начале учебного года биологичка решила организовать для своих подопечных экскурсию в музей, наглядно познакомить учеников с флорой и фауной родного края. Класс встретил идею с энтузиазмом.

Это был один из последних солнечных дней бабьего лета, когда в воздухе уже чувствуется дыхание подступающей осени, но красочное многоцветье ещё приятно радует глаз. Мальчишки и девчонки с удовольствием высыпали на улицу. Дорога шла через городской сквер, девочки кинулись собирать кленовые листья. Мира замечательно смотрелась в светлом пальто и бордовом берете с ярким осенним букетом в руках. Паша, как ни старался, не мог отвести от неё взгляда.

В музее пахло нафталином и ещё чем-то специфическим, из-за стёкол на ребят смотрели чучела хорьков, соболей и других обитателей леса с чёрными бусинами вместо глаз. С бутафорской берёзы свешивались застывшие вороны и сойки с хищно раскрытыми клювами.

Экскурсовод с гордостью указала на небольшие экраны, расположенные перед каждым экспонатом.

– Это интерактивный справочник, – почти кричала она трескучим голосом, чтобы переорать галдёж. – Нажав вот на эту кнопку, вы можете прочитать и прослушать информацию о поведении животного в естественной среде. Давайте начнём с зала, где вы сможете увидеть пернатых, обитающих в наших краях.

За стеклом на ветках было много разных птиц, но особенно выделялись крупные экземпляры – сыч, сова, филин. Эти выглядели как живые, таксидермист постарался.

– Смотрите, сова из Хогвартса! – громко выкрикнула Ленка Абакумова, любимица учителей, неисправимая отлични-

ца, которая считала себя очень начитанной и остроумной. Правда, шутки у неё чаще всего были едкие и обидные.

Кто-то нажал на электронную панель. Механический голос монотонно забубнил:

– Большая рогатая сова... Обитает... Питается... Имеет почти биноклярное зрение и даже умеет плавать.

– Ну, конечно, – Абакумова скептически уперлась руками в бока. – Может, она ещё и гавкать умеет, и жонглировать?

– Посмотри, какая она красивая. И сильная. Конечно, умеет, – отозвалась Мира.

– Ага, и танцевать вприсядку.

– Ну, если сказали, что умеет, значит, умеет, – мягко возразила Мира.

– Врут они. Чтобы дураки всякие верили... и дурочки.

– Мне кажется, что незачем им врать. Если сказали, значит, правда, – убеждала Мира, отстаивая своё мнение и даже не обратив внимания на обидное слово.

Пашу всегда удивляла её вера. Во всё и всех. Мира слушала учителей, будто они были как минимум небожителями, не позволяла себе усомниться в их словах ни на йоту. Если бы она не была такой красивой, над ней, скорее всего, потешались бы всем классом. Как не разыграть того, кто всегда всему верит? Но её улыбка и очарование останавливали даже детскую жестокость.

– Спорим, что не умеет, – взвилась Абакумова.

– Давай, – пожала плечами Мира.

– Кто проиграет, тот... тот... отрежет свои волосы, – сверкнула глазами Ленка. А косы у обеих были длиннющие.

– Хорошо, – просто согласилась Мира.

Когда Паша вернулся домой, то первым делом залез в интернет.

Ну, конечно, совы плавали. Вот. Ролик на Ютубе. Плыла птичка. Ничего себе! Гребла крыльями, как умелый пловец. Паша рассмеялся. От того, как забавно передвигалась сова, и от того, что так легко нашел доказательство правоты Миры. Пусть теперь Абакумова под мальчика стрижётся!

Паша зашел к Мире вечером (были ведь времена, они забегали друг к другу в гости). Мира делала математику на кухне в своей любимой позе – устроившись на стуле с ногами.

– Решил уравнения?

– Ну да.

– А у меня ответы не сходятся. Я, наверное, совсем тупая.

– Смотри, ты тут запятую пропустила. Просто невнимательность.

Мира стала усердно переписывать пример, низко склонившись над столом.

– Ты уже нашла ролик про сову? – спросил Паша, уверенный в том, что Мира, как и он, серфила интернет в поисках доказательств.

– Какой ролик?

– Ну, ты с Абакумовой поспорила.

– А... нет. Не искала. Так это же шутки всё.

– Ага, шутки! Будешь потом лысая ходить.

Мира улыбнулась и согласилась включить компьютер.

– Смотри, тебе понравится, – Паша потирал руки в предвкушении.

«Сова, оказавшись в трудной ситуации, не растерялась».

К тексту прилагалось видео. Серый прозрачный лесок с голыми деревьями, небольшая речка с тёмной водой. И, как заправский пловец, размахивая крыльями, эту речушку вплавь пересекает отважная птица.

– Прямо будто баттерфляем плывет, – рассмеялась Мира.

Паша прочитал вслух:

– «В опасной ситуации совы умеют и не такое. Два сапсана загнали сову в воду. Спасаясь от гибели, сова нашла оригинальный выход. В реке хищники её не тронули».

На следующий день все одноклассники узнали, что совы плавают. Баттерфляем. Паша с удовольствием продемонстрировал ролик на перемене.

Абакумова надулась, покраснела, пробухтела, что «сова не той породы была и вообще она про другую птицу говорила».

Волосы в итоге Ленка так и не обрезала.



Паша стоял под кованой вывеской бывшего Зоологического музея, которую почему-то до сих пор не отвинтили.

И смотрел на реку. Лёд ещё не весь вскрылся, но уже были видны большие чёрные проплешины, где плескалась, зловеще поблескивая, вода. Мимо проносились машины, ослепляя фарами и сворачивая на Михеевский мост.

Тут Пашу как током стукнуло. Михеевский мост! Семь часов вечера.

Совсем не к месту. Скоро должна была появиться Мира, а он не мог отвести глаз от старого моста, про который болтала эта Виталина. Нет! Чертовщина какая-то. Таких совпадений не бывает!

Вот пара школьников с рюкзаками за спиной перебежали на другую сторону. Женщина, до ушей укутавшаяся в воротник пальто, торопливо подошла к ожидавшему её автомобилю. Девушка с коляской. Паша напрягся, задержав дыхание. Молодая мама спокойно прошествовала по мосту и скрылась за домом. По спине пробежал холодок. Собственный желудок показался Паше тяжёлым, как будто он проглотил булыжник. Надо бы успокоиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.